Но намъ не хотѣлось бы оставить нашихъ друзей, читателей, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ картины переживаемаго соціализмомъ кризиса. Не хотѣлось бы, да даже было бы и невозможно, не погрѣшая противъ истины: взвѣшивая два великія одновременныя явленія — и ростъ соціализма, и кризисъ его,—мы, дѣйствительно, приходимъ къ заключенію, что разрѣшеніе, какъ сказалъ бы гегельянецъ, этихъ двухъ «антиномій» лежитъ опять таки въ самомъ соціализмѣ, а именно въ дальнѣйшемъ развитіи его. По нашему глубокому убѣжденію, теоретически это развитіе будетъ выражаться въ томъ, что та крупная доля истины, которая заключается въ марксизмѣ, этомъ наиболѣе популярномъ видѣ современнаго соціализма, будетъ сохранена, но дополнена критикой «экономическаго матеріализма», не критикой однако исходящей изъ буржуазнаго или тянущаго въ сторону буржуазіи бернштейніанства, а критикой, вырастающей изъ законныхъ идеалистическихъ стремленій революціоннаго соціализма. Практически же это развитіе совершится подъ давленіемъ измѣняющейся психологіи самихъ трудящихся массъ, самого пролетаріата, которому придется быть главнѣйшимъ органомъ и носителемъ грядущаго преобразованія. Мы сейчасъ увидимъ, какъ тѣсно связаны между собой эти двѣ стороны соціалистической эволюціи.

Что, дѣйствительно, принесъ съ собою новаго марксизмъ въ развитіи соціалистической мысли? Въ пылу полемики критикамъ марксизма не разъ приходилось подсмѣиваться надъ эпитетомъ «научнаго соціализма» и видѣть въ этомъ лишь претензію этой теоріи на непогрѣшимость: объявить себя «научнымъ» можетъ любое направленіе, самоувѣренно относящееся къ другимъ направленіямъ и присваивающее себѣ привилегію на обладаніе истиной. Но дѣло не въ томъ: въ сущности, элементъ «научности», желаніе построить систему на «научной» почвѣ составляетъ особенность самыхъ крупныхъ утопическихъ ученій первой половины XIX-го вѣка. Кто, дѣйствительно, внимательно изучалъ системы хотя бы Сенъ-Симона и Фурье, тотъ, конечно, не можетъ забыть, съ какой настойчивостью эти

великіе мыслители подчеркиваютъ строгую, по ихъ мнѣ-
нію, научность ихъ построеній, совершенно серьезно ото-
жествляя свою творческую дѣятельность въ общественной
наукѣ съ дѣятельностью Коперника или Ньютона въ наукѣ
мірозданія. И для историка соціальныхъ теорій нѣтъ, мо-
жетъ быть, привлекательнѣе задачи, какъ показать вліяніе
этихъ тенденцій всеобщей законосообразности, на выра-
ботку первыхъ элементовъ «научнаго» соціализма Маркса,
уже пріученнаго, впрочемъ, къ мысли о правомѣрности
универсальнаго развитія изученіемъ философіи Гегеля. То
положеніе, которое лежитъ въ основаніи марксовскихъ тру-
довъ, а именно мысль о такой же объективной непрелож-
ной эволюціи человѣческихъ обществъ, какая замѣчается
въ развитіи вообще организмовъ и въ послѣдовательной
смѣнѣ естественныхъ явленій, есть въ сущности идея, про-
ходящая черезъ историческіе экскурсы Сенъ-Симона или
критико-фантастическія построенія Фурье. Но эта идея —
и въ этомъ-то и суть—у великихъ утопистовъ искала еще
своей окончательной формулировки, искала еще той почвы,
на которой она, дѣйствительно, могла бы показаться ве-
ликимъ соціальнымъ «открытіемъ», теоретическимъ вы-
раженіемъ міровой объективной истины. Марксъ же поста-
вилъ ее на эту твердую почву, и поставилъ тѣмъ, что
разорвалъ ея связь съ колеблющимся элементомъ сознанія,
фантазіи, капризнаго построенія отдѣльнаго, хотя бы са-
маго геніальнаго мыслителя—утописта и, наоборотъ, при-
велъ ее въ тѣсную зависимость отъ громаднаго, гораздо
болѣе устойчиваго начала инстинктовъ, навыковъ, чувствъ
и стремленій цѣлой общественной формаціи.

Въ этомъ, конечно, смыслѣ надо истолковывать зна-
менитую фразу объ «отношеніяхъ (производства), незави-
симыхъ отъ воли людей», и не менѣе интересное указа-
ніе на обращеніе человѣчества лишь къ тѣмъ задачамъ,
которыя «могутъ быть рѣшены» въ данный моментъ; а
не въ томъ смыслѣ, будто человѣческія отношенія вопло-
щаются въ какія-то самостоятельныя силы, дѣйствующія
помимо людей. Въ полемикѣ это порою допускалось уче-
никами Маркса, и въ полемикѣ же служило мишенью для